

ПРЕПЕНДЕНТ
НА БЕСТСЕЛЕР

АЛЕКСЕЙ
ВИНОКУРОВ

龙

ЛЮДИ
ЧЕРНОГО
ДРАКОНА

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В49

Оформление серии – *Петр Петров*

Винокуров, Алексей Юрьевич.

В49 Люди черного дракона / Алексей Винокуров. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 288 с. – (Претендент на бестселлер!).

ISBN 978-5-699-99645-2

Черный дракон, Хэйлунцзян – так называют китайцы реку Амур. На ее русском берегу, в селе Бывалом, перед и после революции 1917 года селятся представители сразу трех народов – русского, китайского и еврейского. Эта горячая смесь порождает основу для необыкновенных событий. Появляется первый голем Черной реки, которого слепил знаток Каббалы старый Соломон, девочка Сяо Юй становится русалкой, китайские демоны возмездия вэйфанжэнь карают жестоких убийц, таинственный даосский волшебник Лю Бань обучает китайцев боевым искусствам, в селе рождается лекарь, побеждающий саму смерть. Много чего случается на этом малоизвестном континенте, расположенном на берегу Черного дракона. Многое, что вскорости может случиться и с нами.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99645-2

© Винокуров А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

*Андрею Снявскому
и Марье Розановой*

ПРЕДИСЛОВИЕ

О девочке этой мне рассказала Бабушка Древесная лягушка. Столько лет прошло, и нет уже ни девочки, ни бабушки, одна лягушка осталась и дела ее скорбные.

Бабушка-лягушка, лягушка-квакушка, лягушка-какашка, лягушка-замарашка — вот как ее кликали в деревне. Ни на одно имя не отзывалась, да никто и не надеялся. Имена такие давали нарочно, чтобы, оборони Будда, не съели за компанию с другими: кто же в своем уме станет есть лягушку-какашку? А Бабушку-лягушку? Ел ты, скажем, лягушку, а съел, выходит, бабушку. Может, конечно, где-то в Поднебесной такие ухари и были, чтобы жареную бабушку съесть, да еще со стороны отца, но только не у нас, на реке Черного дракона.

На самом деле лягушка из бабушки была никакая. Обычная жаба, только огромная и старая до черноты, глаза навывкате, рот — похабной щелью, на скользкой коже пупыри с бородавками, рукой потрогать противно, не то что голыми зубами есть. Жила от всех отдельно, хозяйства никакого не имела, безобразила в глухой ночи, промышляла, чем Бог пошлет. Детей, мужа тоже не завела. И неудивительно — кто на такую польстится? Хотя китайцы, говорят, к красоте женской равнодушны — им лишь бы человек хороший да денег много. Но Бабушка Древесная лягушка ни деньгами, ни красотой не вышла — хоть в речной песок ее сапогом топчи, такая была никудышная.

Когда в первый раз мы с ней встретились на узкой дорожке, лет ей было невесть сколько, глядела исподлобья, пенсионером. Значит, не меньше шестидесяти выходило, ну, или около того — с каких там лет жабы-лягушки выходят на заслуженный отдых?

День, помню, был солнечный, зайчики трепетали на зеленых кленовых листьях, под ветром срывались, падали, обратно запрыгивали. Бабушка-лягушка сидела у Дома на шершавой приступочке за поваленным тыном — зеленая сидела, бурая, бугристая и скользкая — чистая жаба. Торчали из приступочки острые занозы, кололи тонкую кожу, подзуживали, бодрили. Ежилась Бабушка-лягушка, ворочалась, дула зоб, пучила глаза, слизью исходила, семечки беззубой пастью лузгала, а сказать так ничего толком и не сказала — может, не могла или, еще хуже, не хотела.

Но не больно-то и нужно. Я и сам все знал про эту девочку, потому что рос с ней в одном селе, только я — в русской части, а она — среди амазонок.

А насчет присказки про Бабушку-лягушку — это уж так положено во всякой истории. Или бабушка-лягушка, или зайчик-побегайчик, или какой ни то хомяк с печки бряк — так вот оно и повелось испокон веку. А от своего лица историю рассказывать не смей, потому что никакая уже это будет не сказка, а чистая правда. Вот ее, пожалуй, и расскажем.

БЫТИЕ

Село наше, по имени Бывалое, выросло на реке Черного дракона, или, по-русски сказать, на Амуре, прямо из сырого речного песка. Стояло на берегу, на выносе, мировое древо, тысячелетний кедр, отовсюду было его видеть. Вокруг него стелились равнины, вздымались белыми шапками горы, тянулись вверх дремучие леса, зеленели в них пихта, клен, кедр корейский, ясень маньчжурский, ильм белокорый, орешник и береза желтая, липа амурская, бархатное дерево да рябина. В лесах этих испокон веку водились тигр-амба, медведь, барс, рысь, красный волк, кабан, дикие козы, изюбри и пятнистые олени, кабарга, соболь и так далее — до мышей-землероек... В Амуре плескались осетр, кета и горбуша, таймень, хариус, корюшка-зубатка, черный и белый амур, голянь разных видов, усатый голавль, красноперый жерех, носатый пескарь, язь, конь-губарь, лещ, сазан, желтощек, амурская щука и рыба-лапша, вьюн, сом, косатка — и огромную тенью, грозным левиафаном проплывала в тяжелых глубинах калуга...

Все тогда было тихо, мирно и счастливо, но не бывает вечного счастья — отчего-то и кому-то занудобился на этой земле человек. И вот однажды ночью погасли, заметенные тьмой синие звезды, раскололась до нутра верхняя бездна, ударила молния прямо в кедр — и разнесла в кровавые щепы.

К утру кровь на щепе застыла, почернела, отразились в ней неподвижные, густые, чистой смолы небеса. Из

этой-то щепы, глянцевой, духовитой, длинной и твердой, и явился первый дом, или, правильнее сказать, фанза, или, точнее, ха-баит ха-йехуди. Воздвигнут он был силою Сварога, духов предков и Яхве-Элохим-Адонай, и един был в трех лицах, и годен для любого племени, живущего на земле, под землей и на водных просторах.

Из южного окна дома видно было незаходящее жаркое солнце и древние воды Амура, из северного глядела прохладными звездами вечность, на востоке трепетал нежно-розовый рассвет, а на западе, откуда дымной тенью кралась смерть, не было ни окон, ни дверей — лишь глухая непроходимая стена. Крыша закрывала дом от мирового гнева, фундамент — от демонов, незримо пребывающих, стены — от четырех видов земных тварей.

Теперь уже забылось, кто первым поселился в доме и освятил его дыханием жизни. Сперва грешили на синантропов Яо и Шуня из периода Уди Шидай: спустя тысячелетия их кости и черепа безошибочно желтой масти находили на обоих берегах реки, пока староста Андрон, движимый патриотизмом и белой горячкой, не собрал их все вместе и не предал позорному утоплению в равнодушных водах Амура.

Позже стали склоняться к мысли, что дом одухотворил древний народ месопотамского колена иврим-йехудим бнэй-Исраэль, без которого, как известно, и поныне не обходится любое дело под небесами — будь то хорошее или разное.

Но вернее всего, что чудесное жилище первым, как женщину, познал отряд казаков во главе с письменным головой Василием Даниловичем Поярковым. Отряд этот, числом девяносто, пришел на покорение племен Уссурийского края — всех, какие встретятся, со всеми их духами, идолами, тиграми, медведями, барсами и пантами пятнистого оленя, незаменимыми для мужской силы.

Казаки встали лагерем в доме и вокруг него, сделали его последней крепостью, обнесли высоким тыном и приготовились сгнуть, ибо задача у них была страш-

ная, невыполнимая — только сгнуть им и оставалось. Ночью, когда из волн Амура невидимками поднялись дауры князя Доптыула, на севере погасли звезды, а у западной стены голодной тощей тенью выросла смерть, казаки не стали тратить время на оборону: они нараспев читали зауспокойные молитвы по себе самим. Пока шла молитва, ни один из них не дрогнул, не усомнился, не обратил настороженного слуха к текущему в разрывах ночи врагу.

И лишь когда молитва закончилась, а снаружи сделалась мертвая тишина, к даурам, припавшим к темноте, как младенец к матери, вышел самый юный из казаков — семнадцатилетний Олег Полоний. Он заговорил, и глас его был подобен звуку трубы иерихонской, ибо был он из рода сибирских архидьяконов, облеченных благодатью Божией, которых голоса единственные напрямую доходят до небесного престола.

— Отныне вы, народ даурский, и прочая бусурмень, и все ваши князья, и люди простого звания, и рабы, и духи ваши, вплоть до мельчайшего беса, и со всеми вашими женами и младенцами до последнего колена — все будете платить дань московскому царю, — так рек малолетний Полоний.

Взвыли оскорбленные дауры, словно бы дикие звери, и бросились на штурм казацкой крепости. Но те уже поручили себя русскому Богу, который один сильнее всех бесов, духов и демонов, взятых вкупе. И, как неопровержимо записано в хрониках, Бог послал своего ангела с пылающим мечом, и дауры были повержены и во прах обращены, и во множестве, смердя, лежали их твердые трупы за оградой дома — и снег засыпал их, и ветер сушил, и солнце жарило, и звезды холодили.

Оставшиеся враги отступили, но отнюдь не рассеялись. Они обложили дом по квадрату, и было их больше, чем проса в полях. Из-за ветвей и пригорков, разбросанных по лесу, за каждым казаком зорко следило по сотне глаз, и стоило сделать шаг наружу, как тут же летели в него пули и стрелы даурские — и попадали, и

ранили, и убивали. Ни выйти не могли из окружения казаки, ни войти обратно, если бы кто сдуру и вышел.

Так продолжалось невесть сколько — день, неделя, месяц. И вот кончились у казаков припасы, а голод взял их за горло костлявой рукой. А когда подъели они последнюю мышь, вместе с шерстью ее и с хвостами, и последние кожаные сапоги тоже, от которых во рту были вязь и оскома, так сказал им письменный голова Поярков:

— Мы русские, с нами Бог! Не захочет Всевышний нашей смерти!

С этим, пригнувшись от стрел, вышли они из дома, собрали всех мертвых врагов и, опьяневши от голода и славной победы своей, стали пожирать их, словно дикие в Африке и других запредельных землях. И, увидя это, устрашились дауры и иные племена, исполнились отвращения и ужаса и бежали прочь, оставив эту землю лютому московскому царю, который врагов своих не берет в плен, не убивает, но пожирает без остатка — в вечное назидание прочим.

И смутились тогда казаки тому, что сделали, и сами себя устрашились, и не впрок им пошла еда из человек, а младший из них, Олег Полоний, изверг все назад, как если бы и не ел ничего. И стали тогда они молиться Господу, чтобы отпустил он им грехи их страшные, а если нельзя, то в другой раз послал бы ангела с мечом, и тот покарал бы их всех без остатка.

Видя, что в казаках пробудились совесть и страх Божий, голова их, письменный человек Василий Поярков убоился, что потеряют они воинский дух, и так сказал им — и всем народам на все времена:

— Кому Богом дана благодать, тому закона не нужно.

И поверили казаки, и возвеселились, и обрадовались, и стали с новой силой праздновать свою победу — над врагами и над законом. Но, пока убитые дауры туго переваривались в луженых казацких желудках, случилась вещь, которой никто не заметил, кроме случайного серафима на небесах и малого беса, красного да

рыжего, который резвился вблизи в амурских волнах: в западной стене, доселе неприступной, открылась дверь, и голодная тощая тень вошла в дом смертью и поселилась там навсегда.

С той поры первый дом перестал быть домом Бога, а стал домом смерти, или просто Домом. Потому что не прав был письменный голова при всей своей мудрости — и у Бога есть законы, которые преступать нельзя, а раз преступивши, надо быть готовым ко всему, даже и к самому худшему.

ХОДЯ

Во всяком племени, даже самом маленьком, презренном и негодящем, какое другие племена и за людей не держат, есть свой культурный герой, с которого племя это началось, или возвысилось над прочими, или даже стало народом. Герой этот обычно — могучий богатырь, или хитрый колдун, или поэт, вернувшийся с того света, или помесь бога и дикого зверя, или даже простая обезьяна с хвостом и красным задом — кому уж как повезет.

14

Герой дает народу огонь, злаки, ремесла, письменность — хоть бы даже его об этом и не просили. Если местность скудная и дать нечего, герой награждает свое племя гордостью — так, чтобы восхищались своими достоинствами, а пуще того — недостатками. Гордость эта иногда укрепляется и становится патриотизмом, а иногда проходит без видимых последствий.

Имелся такой герой и у нас в Бывалом. Звали его ходя Василий, и был он первым человеком, высадившим на нашей земле гаолян. Толку от этого гаоляна не ждали мы никакого, ну, так ведь чем бессмысленнее подвиг, тем больше он ценится. К тому же ходя был нерусским, он был китайцем с того берега, а с китайца спрос, известно, небольшой — как и сам китаец.

— На черта тебе гаолян? — спрашивал его староста дед Андрон, и сам-то больше не на деда похожий, а на лешего — кряжистый, кудлатый, косматый, даже боро-

да в прозелень, а не как у всех честных людей — седая. Внешность такая была неспроста: по слухам, в роду у старосты имелись лешие-полукровки, то есть те, чьих отцы согрешили с простыми деревенскими бабами, но чад своих не признали, в лес не взяли, а оставили расти на людском попечении — тоже вроде как бы люди.

— На черта, говорю, тебе гаолян? — повторял дед Андрон и хмурил кустистые брови. — Или ты им тараканов морить собрался?

— Чу-чуть собрался, — улыбчиво кивал ходя. — Тараканов морить — раз, сам пробовать — два... Потом — три, четыре... Семь-восемь... Девять... одиннадцать.

Считая свои стратегии, Василий не загибал пальцы, как принято у людей, а разгибал, как это делают китайцы — чтобы всем были видны избыточная честность его и отсутствие любого жульничества даже в самой отдаленной перспективе.

Однако лукавил ходя, даже сказать, врал напропалую. На гаолян у него были совсем другие планы, о которых до поры не то что выговорить, но и подумать слишком явно он не решался. А все потому, что сто тысяч лет назад великий мудрец по имени Кун предупредил, что благородные мужи-цзюньцзы никогда не говорят о деле наперед, чтобы оно не сорвалось. Неизвестно, какой бы из ходи вышел муж-цзюньцзы, но важные вопросы до поры он всегда обходил стороной — хоть огнем его пытай.

А гаолян в жизни ходя Василия был важным вопросом.

Желтый, как коровья моча, выходил ходя по утрам из своей лачуги, глядел вдаль, щурил против солнца припухшие косые глазки, ерошил жесткие черные волосы, морщил лоб, терпеливо ждал, когда заколосится поле, прикидывал грядущие выгоды. Ветер дул с Амурса, раскачивал на нем просторные лохмотья — серые, пыльные, дырка на дырке, в таких мышам впору жить, а не честному ходу.

Конечно, с лохмотьями ходя тоже хитрил. Помимо лохмотий имелся у него хороший по крою костюм: сам